

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
КАК ЕДИНИЦА ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

Лю Сяоя

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация*

В статье анализируется содержание прагматической лингвистики, ее развитие в истории русского языкознания, а также аспекты исследований в данном направлении. Рассматривается понятие коммуникативно-прагматического комплекса, его определение, компоненты и реализации комплекса «просьба» в русскоязычном дискурсе.

Ключевые слова: прагмалингвистика, коммуникативная интенция, коммуникативно-прагматический комплекс.

Прагматика как объект гуманитарных наук получила развитие с середины XX века, когда Ч. У. Моррис, философ и основатель теории семиотики, на фоне идей Ч. С. Пирса разработал понятие «прагматика» как часть семиотики, определив его как отношение «между знаком и его интерпретатором», то есть лицом, которое создает и осознает знак [5, с. 48]. Под влиянием логических и философских теорий речевых актов Дж. Серла и Дж. Остина, а также идей многих других ученых прагматика как область лингвистических исследований оформилась отдельно в 1960-х и начале 1970-х годов.

В истории русской лингвистики исследования, связанные с прагматикой, восходят к трудам таких лингвистов, как В. В. Виноградов, Е. В. Падучева, Н. Д. Арутюнова, Н.И. Формановская и др. Хотя академик В. В. Виноградов термин «прагматика» напрямую не упоминает и не использует, он рассматривает прагматическую информацию, выражаемую различными языковыми единицами, гораздо больше, чем многие современные авторы, пишущие по этой теме. Этот же вопрос рассматривается в более поздних трудах Е. В. Падучевой, которая утверждает, что значение языка в принципе прагматично: не какие-то специально выбранные элементы выражения, а значение большинства слов и грамматических единиц в языке, связанное с людьми, с поводом для разговора [7, с. 222-223]. Н. Д. Арутюнова и Е. В. Падучева в своей статье также анализируют становление и развитие прагматики, предполагая, что «...расстояние между языком и жизнью стало сокращаться» [1, с. 5].

С точки зрения истории развития прагматики как научной области, в зависимости от временного периода и автора той или иной теории, прагматика может пониматься как часть разных отраслей науки. В ряде публикаций лингвисты выражают свои взгляды на возможности решения данной проблемы (Verschueren 1999; Mey 2001; И.П. Сусов 2009 и др.), но до сих пор нет единого мнения о том, в чем заключается специфика лингвистически ориентированной прагматики и как она соотносится с другими прагматическими направлениями. Как пишет Которова, с целью определения особенностей данной научной дисциплины было введено много терминов, наиболее распространенными из которых являются «прагмалингвистика», «лингвопрагматика» и «лингвистическая прагматика». Эти термины используют многие авторы, такие, как, например, И. П. Сусов, Б. Ю. Норман, И. Я. Балабанова [4, с. 100].

Важность изучения лингвистической прагматики определяется рядом особенностей, присущих данной науке. В то же время уникальные свойства прагматической информации, ее проявления и функции определяют и грандиозность задач ее исследования.

В современных исследованиях лингвистическая прагматика затронула практически все уровни языка. Выражение «человеческого фактора» на разных языковых уровнях различно. В целом установлено, что изучение прагматики должно проводиться на двух уровнях: один – языковой уровень, предполагающий рассмотрение семантической функции языка; другой – речевой уровень, предполагающий анализ коммуникативной функции языка. На языковом уровне прагматическое значение языка выражается в области семантики его высказываний. Целью прагматики на этом уровне является определение прагматических явлений в лексике [6, с. 29–34].

На речевом уровне, т. е. в динамическом пространстве языка, исследование прагматики охватывает широкий спектр областей. Оно может включать анализ стратегии дискурса, жанров дискурса, речевых актов, интенциональных функций высказываний и др. Все эти задачи имеют отношение к прагматике, поскольку в них с разных точек зрения рассматривается роль прагматических факторов в коммуникативных ситуациях и влияние конкретных контекстов на значение прагматической единицы.

Основываясь на этом, в данной статье рассматривается понятие коммуникативно-прагматического комплекса (далее КПК), впервые предложенное Л. Б. Карпенко. В понимании Л. Б. Карпенко, коммуникативно-прагматический комплекс – это «совокупность коммуникативной интенции говорящего, коммуникативной ситуации, структуры коммуникативного акта (участники ситуации, коммуникативное окружение и т.д.) и средств их речевого выражения. Иными словами, КПК представляется как коммуникативный фреймовый узел, блок, объединяющий близкие по функции рече-

вые акты с соответствующими интенциями, коммуникативными ситуациями и речевыми моделями». Такой комплекс нацелен на объединение близких по функции речевых актов с соответствующими им коммуникативными интенциями и речевыми высказываниями. В ряде статей автором анализируются средства речевого выражения интенций различных КПК на русском языке (благодарности, поддержки, предостережения, угрозы, опасения и т. д.) и показана языковая специфика их выражения по сравнению с английским и болгарским языками [2, с. 85–87; 3, с. 93–95 и др.].

В лингвистической прагматике существует ряд понятий, коррелирующих с КПК, на которых и остановимся далее.

1. Коммуникативная интенция (или речевая интенция) говорящего, рассматриваемая многими исследователями как наиболее важный компонент, так как он предопределяет выбор того, как коммуникант выражает речевой акт [6, с. 30]. Каждое высказывание произносится с конкретным намерением говорящего – желанием передать что-то адресату; получить какие-то сведения; побудить адресата к тому или иному действию; выразить мнение об информации и т. д. В соответствии с данными интенциями в речевой практике производится целый ряд речевых актов: приветствие (*здоровствуйте, добрый день, приветствую, здоровья желаю*), благодарность (*спасибо, вы так любезны, благодарю вас, я польщена, вы так добры*), прощание (*до свидания, до встречи, пока, до завтра, прощайте, увидимся*), приглашение (*пойдемте с нами, приглашаю вас, приходите, буду с нетерпением ждать*), совет (*советую вам..., надо бы вам, позволю себе дать вам совет*), просьба (*прошу вас, не затруднит ли вас, можно мне, дайте, пожалуйста*) и др.

Также в речевой практике встречаются высказывания с близкими языковыми единицами, которые в зависимости от разных намерений получают разные коммуникативные значения. Например: *Не могли бы вы мне книгу передать?* (просьба); *Передай мне книгу прямо сейчас* (приказ, требование). Именно КПК дает возможность всесторонне представить основные типы коммуникативных интенций, и продемонстрировать характерные формы их реализации.

2. Коммуникативная ситуация, т. е. пространственные и временные параметры обстановки, в которой происходит общение, по отношению к говорящему и по отношению к другим участникам в данном контексте.

На примере «просьбы», одной из самых распространенных типов коммуникативных интенций, продемонстрируем далее, как выбор КПК различается в зависимости от коммуникативных ситуаций:

а) речевые модели «просьбы» при обращении к знакомому человеку:

Дорогая, дай..., пожалуйста; Милый, надо помочь...; Можешь одолжить мне...? В таких ситуациях часто используются ласкатель-

но-уменьшительные формы обращений (*сыночек, доченька, Манечка и др.*).

б) речевые модели «просьбы» при обращении к незнакомому человеку: *Сделайте одолжение...; Если вам не трудно (Вас не затруднит), сделайте...; Будьте любезны/добры, сделайте...*

Выражение просьбы в таких коммуникативных ситуациях должно быть вежливым (даже формально вежливым) и деликатным, но не чрезмерно вкрадчивым.

На один и тот же КПК реакция слушающего бывает разной. На просьбу можно ответить согласием (*Да. Конечно. Хорошо. С удовольствием.*), несогласием (*Нет, не могу. Нельзя. Ни в коем случае!*) или даже аргументацией (*...был бы рад, но не могу..., и т. д.*)

3. Дейксис, то есть совокупность факторов, которые эксплицитно или имплицитно связывают содержание дискурса с коммуникативными инстанциями, исполняя роль идентификаторов. Как составной компонент КПК, дейксис выражается через языковые единицы – это местоимения 1 и 2 лица (*я, ты/вы*), локативы (*здесь, там*) и темпоральные идентификаторы (*сейчас, теперь, вчера*) и др., выявляющие наиболее полно дополнительный коммуникативный смысл. Просьба, выражающая один и тот же смысл, с *ты* или *вы*, указывающими относительный социальный статус говорящего и адресата: *Ты можешь передать мне книгу? Не могли бы Вы передать мне книгу?*

Таким образом, концепция КПК рассматривается как совокупность факторов, определяющих выбор говорящим речевых средств и языковых единиц в конкретной коммуникативной ситуации в соответствии с коммуникативным намерением, чтобы обеспечить успешность и эффективность коммуникации.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16 / под ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С.3-42.
2. Карпенко Л.Б. Коммуникативно-прагматический комплекс в преподавании русского языка как иностранного // Русистика без границ. № 4. 2017. С. 83–87.
3. Карпенко Л.Б. Принципы систематизации речевого материала при обучении русскому языку как иностранному // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 25, № 1. 2019. С. 90–95.
4. Которова Е.Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. Том 23. № 1. 2019. С. 98–115.
5. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика Антология, 2-е. Сборник переводов. Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Академ., 2001. С. 45–97.

6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.

7. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.

УДК 811.161.1'37

ТРАДИЦИИ ПРОПРИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ РОССИЙСКИХ ВООРУЖЕНИЙ

Т.П. Романова

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация*

Статья посвящена исследованию традиций проприальной номинации российской военной техники на материале исторических наименований артиллерийских орудий и кораблей ВМФ.

Ключевые слова: ономастика, хрематонимы, прагматонимы, меморативный и символический принципы номинации, персонификация, апотропеическое имя.

Современное онимическое поле российских вооружений включает два основных типа онимов: *хрематонимы* [6, с.190] – индивидуальные собственные наименования уникальных боевых механизмов (крейсер «Аврора») и *прагматонимы* [3, с.146] – марочные номинации серийных объектов вооружения (десантный катер «Восток» – 46 ед.).

Данные разряды онимов объединяют общие принципы и традиции номинации, а также тесное взаимодействие на лексическом уровне. Так, в сфере номинации военных судов собственные имена кораблей (хрематонимы), со временем переходят в типовые названия проектов (прагматонимы). Например, индивидуальное имя подводной лодки «Касатка» (1904–1925) впоследствии стало обозначать тип подводной лодки «Макрель» (1908–1925), а хрематоним «Макрель», в свою очередь, используется в качестве названия типового проекта современной подводной лодки. Прагматонимические номинации, в отличие от хрематонимов, могут дополнительно индивидуализироваться за счет цифровых индексов, например, подводные лодки типа «Амур-550», «Амур-750», «Амур-1450», «Амур-550», «Амур-1650», «Амур-1850».